

БЕЗ ПРЕДИСЛОВИЯ И ЭПИЛОГА

Александр ЕРШОВ

г. Петрозаводск

НАЧАЛО

Вы же не пишете предисловий к ежедневникам, к записным книжкам, к заметкам на манжетах, к любовным запискам, письмам с требованием уплатить долг или, наоборот, с просьбами чуть-чуть подождать, пока вы уплатите свой.

Наша жизнь... как и когда она началась, мы не знаем.

Обычно она начинается задолго до нашего физического рождения.

Знают, где она началась, может быть, наши родители или бабушки и дедушки. А может быть, только пра-пра-пра-прадедушки и пра-пра-пра-прабабушки.

Да и то вряд ли...

Какое уж тут может быть предисловие?

Тем более глупо писать эпилог к тому, что еще не закончилось.

Не закончился ежедневник, не закончилась записная книжка или мимолётный роман.

Не оплачены счета. Не все, по крайней мере.

Жизнь не закончена, а ты уже берёшься писать к ней эпилог.

Это неправильно!

КОГДА Я РОДИЛСЯ, МЕЛА МЕТЕЛЬ, ИЛИ СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ О БУХАНКЕ ХЛЕБА

Вот здесь не надо путать два совершенно разных понятия: почему я родился и как я родился.

Не знаю, почему я родился, но знаю точно, что это произошло. И случилось это не в заброшенном хлеву где-то на окраине старого южного селения недалеко от Иерусалима.

И волхвы с дарами, ведомые путеводной звездой, ко мне не приходили. Всё было просто. Ночь с двенадцатого на тринадцатое декабря тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года. Мела метель, и было очень холодно.

Да, именно так.

Акушеры не знали, каким числом меня записать: двенадцатым или тринадцатым, поскольку вылезать из мамы я начал в одни сутки, а уже совсем вылез — на следующие.

Город Медвежьегорск.

Маленький деревянный роддом у железной дороги. Канализации нет, вместо кранов — ручной мойники. Вода привозная — в бидонах. Добрые и поразительно заботливые доктора, медицинские сёстры, нянечки, санитарочки.

Это мне мама про них потом рассказывала.

Прямо с утра тринадцатого она ждала отца. Он уже знал, что я на свет появился. С цветами, с поздравлениями, с молоком и всякими вкусами ждала. А папа всё не шел да не шел.

Но вот появился, в конце концов. Цветов не было, но была... буханка хлеба.

Мать рассказывала потом, что ей до слез было обидно, когда над ней стали подшучивать соседки по палате: «Смотри, какой подарок-то он тебе нашел — хлеб. Ничего лучше придумать не мог?»

Мама поплакала-поплакала, да и решила отвезти мужниного подарка.

Отрезала горбушку. А из буханки вдруг посыпались дефицитные в то время шоколадные конфеты. Внутри она оказалась полая — отец мякиш весь вырезал, оставил одну корочку. Соседки обзавидовались и приумолкли сразу.

В шестьдесят четвёртом году в заштатном городке достать настоящие шоколадные конфеты...

Это был подвиг!

Вот такая история про мое рождение...

КАК МАМА МНЕ РУКУ СПАСЛА

Когда был совсем маленьким, годика четыре или даже три мне было, упал я с крыльца бабушкиного дома.

Крыльцо было высокое, а я — росточка низенького. И сломал себе руку. Впрочем, то, что я ее сломал, выяснилось не скоро.

Повела меня мама к врачу, и решил врач, что это вывих.

Подергал руку и сказал, что все будет хорошо. А хорошо все не становилось. Не знаю уж, в чем дело было, но никак в Медвежьегорске не могли установить, что это перелом. Может быть, потому, что сломал я конечность в самом суставе. Болела рука очень. Мама с отчаяния повезла меня в Петрозаводск, в республиканскую больницу. Посмотрел меня опытный хирург и говорит: «Да вы что, мамочка, у вашего парня уже рука сохнуть стала...»

Наложили мне гипс, а потом — когда его сняли — стала мне мама руку разрабатывать. Надо было каждый день гантельку чугунную небольшую кидать больной рукой. А я не хотел, больно было, да и рука еще очень ослабла. Все норовил здоровой рукой кинуть.

А мама уговаривала: «Да не правой, Сашенька, кидай.левой».

Долго со мной занималась. Но благодаря маме я сейчас не однорукий инвалид.

Потом она рассказывала, что, глядя на мои мучения с гантелькой, сама чуть не плакала.

НЕРВНИЧАТЬ И ПЕРЕЖИВАТЬ — ПОВЕРЬТЕ, ВЕЩИ РАЗНЫЕ

Молодой доктор, что в очереди других врачей взялся сейчас за меня, спросил: «Александр Викторович, часто вам нервничать приходится? Ну... эмоционально взрываться?»

Я чуть-чуть помедлил и сказал: «Не-а, не часто».

Уже выйдя из кабинета врача, подумал: «А зачем я ему соврал-то?»

А вот уже, сняв бахилы и выйдя на весеннее солнышко, решил для себя: «Да не-е-е-е, не соврал».

Таки правда, не соврал. Нервничать нечасто приходится, а вот переживать... Переживать приходится несколько раз в день.

Как-то так получается, что всё, что происходит вокруг меня, со мной, с моими близкими, с моими друзьями и недоброжелателями, проходит где-то рядом с моей душой.

Я не могу так просто отстранённо посмотреть на то, что может стать частицей моей жизни. Или уже стало. Всё проходит через меня. Я переживаю.

Вот на работе.

Я работаю на какой-то результат. Вроде всё правильно сделал. Вроде как не должно быть никаких неожиданностей неприятных. Сидишь и еще раз просчитываешь каждый твой сделанный шаг.

Переживаешь!

Удачно всё получилось.

Переживаешь? Конечно!

Провал.

Переживаешь? Конечно!

Дочка не даёт о себе знать две недели. Как там у неё дела?

Переживаешь? Еще как!

Тот, кого считал другом, предал.

Переживаешь? Да, но и урок мне: друзей должно быть немного и они должны быть верными.

Что-то обещал людям и не сделал. Не по своей вине, но не сделал же...

Переживаю.

Когда нервничаешь — это очень видно.

Это чуть дрожат руки, это сбивчивая речь, это иногда какие-то необоснованные обидные слова в адрес окружающих тебя людей. Обвинения безосновательные и поцелуи фальшивые...

Переживание...

Всё держишь в себе. Редко внешне что-то показываешь.

Где-то что-то бурлит внутри, душа на разрыв. Но внешне — всё достойно.

Но это иногда стоит жизни...

Такое на моих глазах не раз происходило.

«Я — ПАМЯТНИК!»

Малышом я был добрым и умиротворительно-серьёзным. Это не я так про себя придумал. Это мои родные и их знакомые рассказывали.

В Медвежьегорске жили мы в здании историческом. Располагается оно на улице Дзержинского, дом двадцать два. Квартира у нас была номер два.

Здание огромное, серое, со смотровой башенкой, в которой и ресторан еще был в свое время.

Возведено оно было как гостиница для делегаций и почетных гостей, коих ждали на осмотр Беломорско-Балтийского канала в 1936 году. Роскошная, надо сказать, была гостиница: своя котельная, водопровод, кинозал, бильярдная, лифт, рестораны...

В числе гостей должен был быть и Иосиф Виссарионович Сталин. Но вождь не приехал.

Кстати, говорят, что наша квартира «два» как раз была сделана из части гостиничного номера, что предназначался для лучшего друга детей, военных и ученых.

Не знаю, так ли это, но под деревянными полами, по которым мы ходили в нашем жилище, был подвал. Так вот, в этом подвале полы были каменные с затейливо выложенной мозаикой.

На этой мозаике мы хранили дрова для печки, что стояла в самой большой комнате.

Гостиницей серое здание на Дзержинского, двадцать два, было недолго.

Потом в нём располагалось управление НКВД, которое блюло безопасность Беломорканала. Затем еще какие-то учреждения.

В конце концов в здании бывшей гостиницы поселились дети. Сюда въехал Медвежьегорский детский дом и школа-интернат.

И вот в эту школу-интернат и приехал после окончания Казанского пединститута работать учителем географии мой отец. Ему дали эту квартиру. Служебную, конечно. Он познакомился с мамой. Так как-то появился я.

Перед центральным входом в школу-интернат стоял — и стоит до сих пор — памятник Сергею Миронычу Кирову, революционеру и государственному деятелю. Киров слегка улыбается и указательным пальцем правой руки на что-то указывает. Памятник этот — точная копия того, что стоит на площади Кирова в Петрозаводске.

И вот родители стали замечать, что иногда я забираюсь на табуретку, вытягиваю правую руку вперед, оттопыриваю указательный палец и так замираю.

«Что бы это могло быть?» — думали родители.

И однажды, когда я в очередной раз так встал, тихо заинтересовались: «Сашенька, что это ты делаешь?»

Не поворачивая головы, я скопил на них глаза и пояснил: «Я — памятник!»

МОИ РАЗГОВОРЫ С БАБОЙ ЯГОЙ

В нашей квартире, переделанной из гостиничного номера, предназначенного для Иосифа Виссарионовича Сталина, место для ночлега — когда я немножко подрос — мне определили в большой комнате. Она действительно была большая.

Там была устроена круглая печка, а где-то у окна стоял большой шкаф для одежды.

Я же спал на диванчике, что стоял у печки. С диванчика хорошо был виден этот большой шкаф. Окно же в комнате было просто огромным — его можно и сегодня увидеть. Оно сохранилось.

Если у кого есть желание, поехали в Медвежьегорск — покажу.

Ночами из этого окна лился таинственный лунный свет.

Мама меня укладывала спать и уходила в родительскую спальню. Я оставался один на один с теплой еще печкой, огромным окном с выглады-

вающей из него луной и страшным темным большим шкафом.

Да, я много лет спустя читал о детском воображении.

Детское воображение — это мое только толкование этого явления — своеобразная защита от страхов.

Вспомните себя, в детстве все вы чего-то боялись. И это абсолютно нормально, на самом деле. Ребенок, как и взрослый, боится того, чего он не понимает. Но ребенок не понимает гораздо больше, чем взрослый, у него нет жизненного опыта. И вот тогда на помощь приходит... фантазия.

Мне, совсем маленькому, хорошие знакомые родителей подарили книжку «Русские народные сказки». Она была большая и толстая.

Такая большая и толстая, что я даже с трудом удерживал ее в своих руках.

Но там были все знаменитые сказки, все сюжеты. Крошечка-Хаврошечка, Иван Царевич, царевна Несмеяна, Баба Яга, Леший, Водяной, Владимир Красно Солнышко... ну и так далее.

Мне было, наверное, года четыре, когда я обрел это сокровище.

И три года — три года! — сначала мне ее читали, а потом уж сам читал и перечитывал этот бесценный фолиант.

И вот как раз в четыре года я стал бояться этого темного ночного шкафа в большой комнате.

Мне казалось, что оттуда сейчас вылетит та самая Баба Яга и заберет меня в подземные темные коридоры. Я даже представлял, как меня по этим подземным темным коридорам транспортирует она в своей ступе в страшную пещеру. А в пещере-то, в пещере... вообще страсти господни.

Но книжка русских народных сказок как-то настраивала меня на то, что Баба Яга — не очень-то страшная женщина и если с ней поговорить, то все будет хорошо.

И вот как-то перед сном, в темноте, Баба Яга попросту ко мне заявила.

Но я был готов. В своем воображении я ее уже победил.

Спросил ее: «Привет, как дела?»

Баба Яга оторопела — и это было видно — она даже метлу свою чуть не потеряла, но потом ответила: «Хорошо».

Завязался разговор. Поболтали. Узнал, что печка в ее избушке на курьих ножках совсем развалилась, надо печника вызывать. Что картошка в этом году в ее огороде хорошо уродилась.

Тут я со знанием дела ответил: «И у бабушки Кати в огороде тоже много собрали...»

Баба Яга одобрительно кивнула. Правда, пожаловалась, что метла вот совсем облысела, надо веток хороших подсобрать. Обещал помочь.

Потом поговорили о том, как в садике дела.

Наябедничал ей, что воспитательница наказала меня за то, что я случайно разрушил домик из больших пластмассовых кубиков, которые построили другие ребята. Ну... случайно так получилось. Не специально.

«Может, наказать воспиталку? На лопату и в печку?» — предложила моя новая подруга.

Я великодушно отказался. Так-то она хорошая. Пусть живет.

Еще поболтали. Потом Баба Яга попрощалась и сказала, что ей надо по делам лететь. Водяной ждет.

А я спокойно заснул.

Лев Николаевич Толстой хорошо об этом написал: «Неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят».

Баба Яга еще несколько раз ко мне прилетала. Так, поболтать. Затем куда-то исчезла.

ЛУНА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Иногда папа брал меня с собой в походы, если этот поход был всего на пару дней, и шел он со своими школьниками не очень далеко от Медвежьегорска.

Обычно вся веселая компания под его предводительством забиралась в кузов выделенного директором медвежьегорской школы-интерната «ГАЗона» (ГАЗ-51), который доставлял их до определенной точки, а дальше смелые туристы шли уже пешком. Редко он меня брал, но вот иногда случалось.

И когда это случалось, то мы с ним ехали в кабине машины, а ребята в кузове.

Что в этих походах мне особенно нравилось? Конечно же, каша, приготовленная на костре. Во-

обще, в лесу даже обычный хлеб с кусочком сала казался мне необычайно вкусным. Такие вот были лесные лакомства.

И вот как-то возвращаемся мы домой из такого похода уже то ли ночью, то ли почти ночью.

Я то засну, прижавшись к папе, то проснусь. Ехали долго. И прямо над дорогой висела огромная красивая желтая луна. И я спрашиваю: «Пап, а почему мы уже много так проехали, а луна все на том же месте?»

Шофер наш усмехнулся, а отец серьезно так отвечает: «А она, Санюшка, вместе с нами путешествует». — «Пап, а луна разве путешествовать может?» — «Луна, сынок, великая путешественница...»

ПРО БАБУШЕК И ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ

То, что я появился у моих родителей, не мешало им вести и собственную, очень нужную жизнь.

Папа по работе, потом и для учебы в аспирантуре частенько уезжал в Петрозаводск. Туда же повышать свою квалификацию иногда отправлялась и мама. Случалось, что их поездки в наш столичный город совпадали, и тогда я оставался на попечении бабушек.

Чаще всего в таких случаях мною занималась мамина мама — бабушка Катя.

Я переезжал к ней на Пионерскую улицу в маленькую неблагоустроенную квартирку с печками в кухне и комнате и удобствами во дворе. Но там мне было очень интересно и, как сейчас сказали бы, «комфортно».

Мы с бабушкой вели долгие разговоры. О чем? Если честно, не помню, но было здорово.

Кто-то из соседей бабушки Кати держал корову. Она каждое утро ходила к ним и приносила мне баночку парного молока.

Баба Катя получала совсем маленькую пенсию («пензию», так она ее называла), но когда шла в магазин, то обязательно покупала мне что-нибудь вкусенькое, типа маленького кексика или коржика.

Бабушка Катя была из заонежских крестьян. Трудилась с раннего детства, даже в школу не ходила, не умела читать. Только расписываться дети ее научили уже взрослую.

Уже живя в Петрозаводске, я очень любил приезжать к ней на каникулах.

В какой-то момент из своей квартиры на Пионерской бабушка Катя перебралась жить к своей дочери, моей тете Вале.

Квартира тети Вали была на пятом этаже большого, по медвежьегорским меркам, благоустроенного дома.

Поезд от Медвежьей Горы до Петрозаводска (его почему-то называли «колхозником») уходил рано-рано утром, где-то часа в четыре.

Бабушка будила меня за два часа до отхода, пила чаем.

Когда выходил из дома, она стояла на балконе и — я видел это — крестила меня...

А иногда меня оставляли на попечение папиной мамы, бабушки Жени. Тогда мы с ней вдвоем оставались в нашем жилище.

Бабушка Женя происходила из семьи купеческой. Мой прадедущка — ее папа — был крупным архангельским купцом-рыболовом.

Бабушка Женя очень хорошее образование до революции получила. А после революции жизнь у нее была очень нелегкая.

И с ней мне тоже было очень интересно.

Бабушка Женя читала мне книжки, сказки рассказывала, очень у нее это смешно получалось. И тоже старалась меня накормить повкуснее. Бабушка Женя видела меня реже, чем бабушка Катя, — жила-то в другом городе — поэтому баловала меня как могла.

Кстати, именно с бабушкой Женей я впервые попал в ресторан! Конечно же, это было много позже.

Мы уже жили в Петрозаводске, я ходил в пятый класс.

Она приехала к нам в гости как раз во время весенних каникул, и в один из дней мы пошли с ней гулять.

В кинотеатре «Победа» на проспекте Ленина шел новый, только что вышедший в прокат фильм «Звезда пленительного счастья». Офицеры, генералы, император, балы, декабристы и их красавицы жены. Блестящее, замечательное кино. Мы с бабушкой были просто очарованы.

После сеанса мы вышли на улицу и пошли по проспекту вниз, в сторону гостиницы «Северная». Только-только прошли ее, как бабушка спрашивает: «Сашенька, ты голодный?»

Голодным я, в общем-то, не был, но съесть чего-нибудь вкусного не отказался бы.

Бабушка Женя огляделась вокруг и увидела невдалеке большие буквы на козырьке перед входом: «КАВКАЗ».

Да-да, это была та самая легендарная петро-заводская шашлычная «Кавказ», которой сейчас уже нет, но воспоминания о ней остались самые теплые.

«Пойдем-ка туда», — скомандовала бабушка.

Мы вошли в солидную такую деревянную дверь, за которой нас встретила дородная и очень строгая тетенька в белой блузе и черном сарафане... или как он там называется.

Строгость тетеньки бабушку Женю не смутила. Дореволюционное образование дало о себе знать.

«Нам с юношей пообедать», — важно сказала баба Женя.

Через минуту мы сидели за столом у камина, украшенного чеканкой, перед нами стоял официант и терпеливо ждал, пока моя спутница изучит меню.

Не помню, на самом деле, что мы там ели на второе, но до сих пор помню вкуснейшее харчо и свежий маленький хачапури с сыром, который я заточил под чай.

Они были добрыми. И любили меня очень. Бабушки мои... Добрые мои бабушки...

Я — маленький — купался в их любви. И сам их очень любил.

А электроэнергия тут при чем?

Отлично помню, что, когда я оставался с бабушками, да и при родителях это случалось очень часто, темными вечерами мы сидели без света. Что у бабушки на Пионерской, что у нас — на Дзержинского.

Бабушка Катя, чтобы не сидеть в темноте, зажигала керосиновую лампу, а бабушка Женя находила где-то свечи, и вот таким образом мы разгоняли тьму.

Я, по малости лет, значения этому не придавал. И даже не задумывался, почему вдруг у нас гасли лампочки. И вот через много-много лет — мне уже было хорошо за сорок — я узнал о природе медвежьегорской тьмы.

Я уже работал в энергокомпании, и меня — перед Днем энергетика — пригласили в Медве-

жьегорск сделать статью о двух замечательных ветеранах, которые начали работать в городских электросетях почти сразу после окончания Великой Отечественной войны.

От них-то я и узнал, что, оказывается, Медвежьегорск практически до начала семидесятых годов не имел централизованного энергоснабжения. То есть внутри города сети-то были, а вот ЛЭП, которая бы поставляла электричество в сам город, тогда не было.

Деды рассказали мне, что электроэнергию для городских нужд тогда вырабатывали несколько дизелей — танковых и снятых с кораблей.

Понятно, что все потребности дизельки не покрывали и часто ломались. Тогда город погружался во тьму, а люди доставали керосиновые лампы и свечи.

ЛЭП в город и построили как раз в начале семидесятых.

Такая история про бабушек и электроэнергию.

«ЖУВАТЕЛЬНЫЕ КОНФЕТЫ! ЖУВАТЕЛЬНЫЕ КОНФЕ-Е-ТЫ-Ы!»

Это было первое в моей жизни Большое Путешествие!

И случилось оно аккурат летом, перед моим зачислением в первый класс.

Тут надо сказать, что маленьким я из Медвежьегорска никуда не выезжал.

Если не считать, конечно, вынужденной поездки к врачу в Петрозаводск четырехлетним, когда я сломал руку и она у меня начала сохнуть.

Эту историю я рассказывал уже.

Но тогда из этой поездки, кроме белых халатов и неосознанного страха, боли не запомнил.

А тут!

Перед школой родители решили свозить меня на море! На море! Меня! На поезде! На настоящем!

Это было что-то из области сказочной, нереальной фантастики. Но это случилось.

Даже представить вам, друзья, невозможно, как я ждал этой поездки. Перебирал все свои вещи — от трусишек до игрушек — думая, что мне надо взять с собой в дорогу. Ходил советоваться по этому поводу к маме, но она отмахивалась — у

самой перед отпуском дел было по горло. Папу по таким пустякам, конечно же, не тревожил.

И вот настал тот день, когда мы явились на нашу станцию Медвежья Гора с чемоданами, сумками, набитыми едой. Папа был со своим неизменным рюкзаком за плечами.

Вокзал наш — так на минуточку — который «Медвежья Гора»: памятник архитектуры. Построен он был в 1916 году, когда строилась железная дорога от Санкт-Петербурга до Романова-на-Мурмане, Мурманска современного. Проектировал медвежьегорский вокзал архитектор Руфим Габе. Он много чего в Питере строил и вот у нас тоже засветился.

Причем ведь так построил хорошо, что вокзал функционирует и по сей день, хотя небольшой и деревянный. Радует своим видом туристов и самих современных медвежьегорцев.

Как в вагон садились, как там размещались... вот, убей бог, не помню. Все было как в дымке какой-то. Чувство реальности точно на время было потеряно.

Но потом это чувство восстановилось, и я понял, что наш плацкартный вагон — это целый мир. Мне так, по крайней мере, казалось.

Но на самом деле советские плацкартные вагоны и были временными такими мирами. Или, точнее, цивилизациями. Со своими принципами, законами, даже моралью иногда. Особенно на южных поездках.

Мы ехали на поезде «Мурманск — Симферополь» до самого конца. До Симферополя.

Насколько я помню, каких-то особенных мыслей, где мы там — на таинственном юге — будем жить, у родителей не было. Почему? Чуть ниже объясню.

Так вот, о вагонах все-таки.

От Медвежьегорска до Симферополя мы ехали тогда, если я правильно помню, суток трое. Может быть, чуть больше. Я с удивлением глядел на кучу людей, что поместились в этом, казалось бы, небольшом пространстве. Нам еще повезло: мы не на «боковушках» тряслись.

А рядом с нами, на «боковушках», как раз сидели мама и девочка. Наверное, моя ровесница. Мы с ней подружились где-то на второй день путешествия.

Да вообще, чем дольше мы ехали, тем теснее все дружили.

Дружили полками, купе, «боковушками».

Приглашали вместе отобедать или отужинать... или просто выпить. Но я не помню, чтобы кто-то уж сильно «веселым» был. А может, и не замечал.

Кто-то входил, кто-то выходил.

Смеялись, спорили, читали, играли в «дурака». Кто-то с кем-то ругался, но это было редкостью.

Мат?

Конечно, проскакивал иногда, но меня — пацана из Медвежьегорска — разве этим удивишь?

Никто никого не боялся! Осторожничали, конечно, но в меру. Деньгами не «светили». Все же на юг ехали люди. А это, на самом деле, важно.

Ехали весело.

В вагоне, по случаю жары, были открыты окна, и в эти окна влетал дым из тепловозных труб и смешивался с ароматом вареных яиц, жареной курицы, копченой колбасы, чеснока. Чуть-чуть аромат перегара и табака.

Мои родители могли себе позволить вот так хотя бы, в плацкарте, но съездить с ребенком на юг. Дешево и весело.

На больших станциях бабушки предлагали вареную картошечку с солеными огурчиками, посыпанными зеленью. И еще шептали взрослым дядям: «Водочка, сыночек, есть водочка». Дяди живо интересовались: «И почему, бабуля?» — «Четыре пятьдесят бутылочка, сокол».

За давностью лет могу что-то путать, но вроде так. «Русская»-то в магазине в мои детские времена стояла три шестьдесят две...

Мужики хмыкали, кривились, но покупали. В вагоне-ресторане «злодейка» стояла еще дорожее.

Еще одно отступление необходимо сделать.

Даже в начале семидесятых мы откуда-то узнавали, что есть такая штука, как «жвачка». Жевательная резинка.

К нам она попадала посредством тех, кто как-то мог попасть в «загранку». В Карелии это были моряки дальнего плавания в основном. Как-то в нашей республике, а тем более в нашем маленьком городке, дипломатов и работников советского Внешпосылторга не разводили.

До Медвежьегорска эта «жвачка» не доходила, и мы даже не знали, как она выглядит.

Ростов.

Большая такая остановка. Много людей, что вышли размяться из вагонов, много торговцев различным нужным товаром, что шныряют у состава.

И вдруг я слышу: «Жувательные конфеты! Покупайте жувательные кон-фе-е-е-ты-ы-ы!»

Дородная цыганка — или молдаванка, или хохлушка — с корзиной в руке. С такой корзиной мы у нас в Медгоре за грибами ходим. А в корзине у нее что-то... А она: «Жувательные конфеты! Покупайте жувательные кон-фе-е-е-ты-ы-ы!»

Вот она! Та самая «жвачка», о которой слагают легенды. Естественно, дергаю маму за руку: «Ну, пожалуйста! Ну, купи! Это же жвачка!!!»

Ну что, уговорил.

Мне купили три «жувательные конфеты» по двадцать копеек штука, если я опять не ошибаюсь, каждая. Знаете, что это было? Вот никогда не догадаетесь! Это были три проглаженные утюгом и сплюснутые ириски!

В те годы килограмм сливочных ирисок стоил рубль восемьдесят за килограмм. В килограмме этих конфеток был целый большой пакет.

Напомню, что ростовская цыганка продавала свои «жувательные конфеты» по двадцать копеек штука. Неплохой навар она получала!

Родители хихикали, когда я, так и не оторвав обертку от расплюснутых конфет, выкинул их.

Приехали мы наконец в Симферополь.

Да, это сейчас можно, если едешь на море, забронировать по интернету отель, гостевой дом, апартаменты на любой вкус и кошелек. В моем детстве это было не так.

Выходим мы, значит, в Симферополе, у вокзала. Советский Крым.

А там куча женщин поджидает клиентов. Нет, не тех клиентов, о которых вы подумали, а тех, кто ищет тех, кто хочет остановиться на время отдыха у моря. Женщины были пожилые, солидные и внушающие доверие. Предпочтение — семьям с детьми. Хотя и молодежь охотно селили.

У меня до сих пор осталась фотография, где я стою с Анной Моисеевной на фоне фруктовых деревьев.

Кто такая Анна Моисеевна?

Анну Моисеевну эту мы встретили как раз на площади у симферопольского вокзала. Не знаю,

чем она так приглянулась отцу, но он принял ее предложение поселиться в ее доме в поселке Раздольное.

От Симферополя долго ехали на автобусе до поселка.

Солнце палило, в салоне было душно, и хотелось поскорее увидеть море.

Синее-синее и бескрайнее.

Но море я увидел только на следующий день...

Из Раздольного до побережья, как оказалось, надо было тоже ехать на автобусе. Не так долго, как из Симферополя, но все же...

Дом у Анны Моисеевны был большой, с садом. Устроились мы очень даже удобно. И пошли на местный рынок купить что-нибудь из еды.

И вот на этом рынке в Раздольном я и увидел впервые помидоры «Бычье сердце». Огромные, темно-красные и, как оказалось, безумно вкусные.

Таких у нас в Медвежьегорске не продавали. Наверное, там даже и не знали, что такие томаты существуют.

И моим любимым южным блюдом навсегда стали мясистые, истекающие соком кусочки «Бычьего сердца», посыпанные солью, с краюшкой черного хлеба. А еще если кусочек сала сверху? Невероятно вкусно!

Да, море я увидел только на следующий после нашего приезда день. Мне так не терпелось встретиться с ним, что я, кажется, и не спал эту свою первую в жизни ночь на юге. И прямо с утра я начал тормозить родителей: «Поехали же уже! Поехали же уже на море...»

Господи, наконец мы на песчаном пляже, о берег которого бьются ленивые светло-фиолетовые волны.

Я увидел море. Я был счастлив.

Только два эпизода.

На пляже продавали креветок. Живых. Серых. Они там в каких-то авоськах прыгали, а в это время мои родители и остальные взрослые обсуждали, какие эти рачки вкусные. Особенно с пивом.

«Вкусные? — подумал я. — Попробуем».

Я тихонько стянул одну креветку, и она, конечно, сопротивлялась, не хотела никуда перемещаться, тем более в меня — и засунул ее себе в рот. Перекусил. Креветка чуть-чуть подрыгала в моих крепких медвежьегорских молочных

зубах и затихла. Огромным усилием воли я проглотил эту бедолагу. Омерзительное впечатление.

Нет, правда, никто же мне не объяснил, что их надо вообще-то варить! Казалось, что надо мной хохотал весь пляж...

Эпизод второй.

С моими машинками, пластмассовыми богатырскими доспехами, игрушечными автоматами и прочими игрушками всегда какая-то фигня происходила. Это правда.

То я их кому-то подарю, то просто поиграю и где-нибудь забуду, то еще что-нибудь... А то мог и забыть о потере, а вот мама — никогда.

Она как-то особенно трепетно относилась к потере и порче вверенного мне имущества в виде внесенного в семейный реестр детского инвентаря. Сейчас я понимаю ее: это все денег стоило, а у моих родителей их было немного. Но это так, к слову.

В Раздольном мама купила мне машинку. Пластмассовый грузовик. Он был такой: кабина белая, кузов серый, и там была еще такая штука, которую если повертеть, то кузов поднимается. Игрушечный самосвал, короче.

Слушайте, есть такое выражение: «Счастлив до небес»? Есть?

Ну вот как раз это со мной и было.

На следующий день я взял свое новое игрушечно-автомобильное сокровище на пляж. Пока родители загорали на полотенцах, чего-то там еще делали, я мастерил для моего нового самосвала подземный гараж. Принес с моря воды, полил песок, чтобы он был не таким сыпучим. Затем вырыл довольно глубокую ямку. Сделал из этой ямы три выхода, проложил к ним дорогу. В яму положил мою новую машинку. Затем из найденной тут же картонки соорудил крышу гаража. Крышу засыпал песком.

Тут меня позвали перекусить.

Я насыпал над моим гаражом приметный такой холмик и пошел есть помидоры с хлебом.

Когда вернулся — холмика уже не было. Распался, видимо, на атомы. Машинку найти стало невозможно. Было жутко обидно. А мама решила, что я это сделал специально. А я же не специально это сделал! И ни за что «люлей» получил...

За шестьдесят с лишним лет моей жизни я видел много морей: от Белого до Японского.

Но...

Но Раздольное, поезд, «жувательные конфеты», «Бычье сердце», креветки, морская воля — это было круто!

КОЕ-ЧТО О ПЕРЕМЕНАХ В ЖИЗНИ

Точнее, о том, как мне подсказывает опыт их воспринимать.

Бывает такое, когда в жизни или на работе — или одновременно на работе и в жизни — идут важные для твоего настоящего и будущего перемены. И ты не знаешь пока, что они несут и как к ним относиться.

Можно, как мышонок, с быющим от страха сердцем испуганно следить за происходящим, заранее похоронив себя. Но лучше в такой ситуации спокойно на время «уйти в домик» и думать. Ведь перемены — это всегда время подумать о том, что ты сделал уже, что делаешь сейчас и что будешь делать дальше.

Подумать спокойно, без суеты и страха. Страх никому и никогда еще не помогал в жизни.

О ДЕТСКИХ НОВОГОДИЯХ. И МОЙ ТАИНСТВЕННЫЙ ДРУГ ПРОФКОМ

Мне пять лет.

Новый год у мамы на работе. Высоченная елка с большой звездой на макушке в актовом зале туберкулезного санатория «Медвежья Гора».

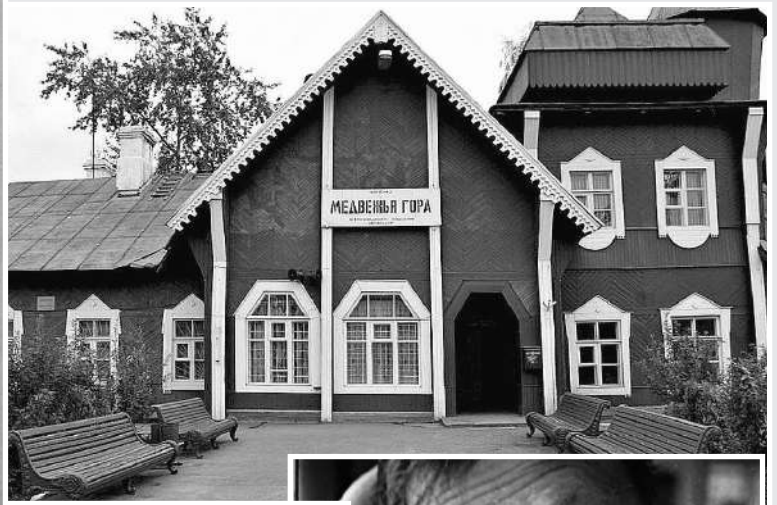
Ребятишки все в предвкушении появления бородатого волшебника. Снегурочка. Родители, умильно смотрящие на своих нарядно одетых чад. Обязательно — веселый аккордеонист, громко играющий вечную мелодию «В лесу родилась елочка».

Случайно услышал, как он говорил Снегурочке: «Вот накапали мне для куражу полтинничек, и вишь, как весело играет!»

Тогда я не понимал, конечно, что за «полтинничек» накапали музыканту.

И я перед елкой. На табуреточке. В красивом костюмчике.

Волнуюсь, декламирую:

*В декабре, в декабре
Все деревья в серебре.
Нашу речку, словно в сказке,
За ночь вымостил мороз,
Обновил коньки, салазки,
Елку из лесу привез.
Чуть дрожат ее иголки,
На ветвях огни зажглись.
Скоро, скоро Новый год!
Скоро Дед Мороз придет!*

И Снегурочка громко так: «Да, дети, где-то Дедушка Мороз заблудился. Давайте поможем ему нас найти. Надо всем хором громко крикнуть: «Де-е-е-е-душка Мороз! Де-е-е-е-душка Мороз!» Он нас услышит и найдет дорогу. А ну давайте все вместе!»

Хор детских голосов буквально прорезает пространство, и появляется он!

В красных с белой оторочкой шапке и шубе. С блестящим посохом и огромным мешком за плечами: «Здравствуйте, ребята!» — «Здравствуй, Дедушка Мороз!» — «Долго я к вам шел по сугробам, лесами дремучими, заблудился немного. Но подарки вам все сохранил. Вот они в этом мешке».

Мужчина с длинной белой бородой под веселую музыку, издаваемую поймавшим кураж аккордеонистом, снимает с плеча действительно огромный мешок и смешно отдувается: «Вот тут всем подарки. И мальчикам, и девочкам!»

Подарки действительно были всегда хорошие. Вкусные очень. На самом деле, конец шестидесятых годов не баловал нас, детей небольшого городка, вкусностями типа конфет «Белочка» или «Кара-Кум», «Грильяж» или «Мишка на Севере».

А тут все эти радости были в одном целлофановом мешочке вместе с печеньем, вафлями, обаятельными мандарином и апельсином.

Естественно, родители все это добро сразу захламлять мне не давали. Содержимого «сладкого» пакетика хватало обычно недели на две.

За стишок, песню, танец, исполненные для Дедушки Мороза, вручались отдельные подарки.

Организацией этих праздников занимались профкомы. И подарки они же закупали. И аккордеониста с Дедом Морозом и Снегурочкой оплачивали.

Однажды при мне одна мамина коллега, держа в руках подарок и смотря на раздувающего мехи аккордеониста, говорила другой: «Да. В этот год профком расстарался. Хороший праздник сделал».

Я, конечно же, не знал, кто такой Профком, который очень старается делать праздники для нас. Он представлялся мне таким веселым дяденькой в тулупе и в бурках на ногах. На голове — мохнатая шапка. Почему-то думал, что Профком — это младший брат Деда Мороза.

А еще были новогодние утренники в садике и у папы на работе. И тоже, конечно, подарки и Деды Морозы со Снегурочками.

Узнал, что Профкома, оказывается, два. У мамы свой, у папы — свой. Но стихи на табуреточке я почему-то читал только на работе у мамы.

О ДРУГИХ ПРАЗДНИКАХ ДЕТСТВА

Сейчас просто уморительно читать и слушать записных либералов местного разлива и не местного тоже, когда они начинают рассуждать о том, насколько заидеологизированными были праздники в «совке».

Это они так великую нашу страну СССР называют.

«Заидеологизированными», говорите, высоколбые «рукопожатные» возраста «шестьдесят плюс»?

А сами-то на демонстрации не ходили? Портреты членов Политбюро ЦК КПСС не носили на палочках? Членами партии не были? В парткомах и комитетах комсомола не заседали?

Ходили же, носили же, славили же руководителей партии и правительства. Членами были же. И в парткомах тоже заседали.

Просто, когда пришло время сохранить свои шкурки в теплых креслах, вовремя отключили совесть, «забыли» прошлую жизнь и стали называться «демократами».

Причем, когда наступает очередное 7 ноября или день рождения комсомола, не забываете собираться, выпить рюмку и вспомнить замечательное время, которого сейчас так стесняетесь.

Самое интересное, что если «ветер переменится», вспомните тут же, что были коммунистами, комсомольцами, членами парткомов и прочими

членами. И вновь будете «на коне». Если не уйдете в мир иной раньше.

Ну ладно. Это, так сказать, лирическое отступление.

Как в моем детстве праздновали праздники «идеологические»? День Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября и День солидарности трудящихся 1 Мая?

Скажу вам так: одинаково весело.

Меня, маленького, папа всегда брал на демонстрации, что в Медвежьегорске проходили на площади у памятника Кирову, о котором я уже рассказывал.

А мама готовила праздничный обед.

Конец шестидесятых.

Что 7 ноября, что 1 мая: в каждой колонне демонстрантов играют гармошки и баяны. Слегка подвыпившие и очень добродушно настроенные люди поют «Смело мы в бой пойдем за власть советов» или еще что-нибудь повеселее. Машут флагами и знаменами, портретами и транспарантами так, что становится немного страшно за головы их соседей.

Полное единение всех со всеми, особенно коммунистов с беспартийными. Было отчетливо видно даже мне, первоклашке, как коммунист-мужики обнимались с абсолютно беспартийными гражданками. И всем было хорошо.

После демонстрации взрослые обычно либо — если погода благоприятствовала — шли куда-нибудь на берега Онего отмечать взятие Зимнего в далеком 1917-м или выражать свою неизбывную солидарность с трудящимися всех стран. Либо собирались у кого-нибудь на квартире и тоже отмечали и солидаризировались.

Было весело и очень даже душевно.

На эти «идеологические» сходки брали нас — маленьких детей — вкусно кормили и давали наиграться всласть. Все были довольны.

Отдельно о празднике святом и выстрадавшем каждой семьей в СССР. 9 Мая.

Центром праздничных событий в Медвежьегорске тогда была Братская могила, что расположена недалеко от железнодорожного вокзала Медвежья Гора, на улице Кирова.

Захоронены в ней бойцы Карельского фронта, в том числе и наш карельский «Александр Ма-

тросов» — Александр Иванович Фанягин, который закрыл своим телом пулеметную точку врага 30 июня 1943-го.

В конце шестидесятых — начале семидесятых ветераны, что собирались вместе с горожанами праздновать День Победы, были еще относительно молоды. И их было немало. Из-за пределов Карелии многие приезжали. Встречались, обнимались. И долго так стояли обнявшись. Стояли и молчали. Мы это все видели. Не знаю почему, но от этого их молчания нам становилось не по себе. Это было особое молчание.

Это были люди, которые спасли всех нас. И живших тогда, и родившихся позже. Мы были маленькими, но мы это понимали. Такое воспитание было.

Сейчас из защитников Родины остались лишь единицы. И Родину-то — Советский Союз — раздербанили...

Вот что меня тогда удивляло.

Да, я был еще совсем мал, но это замечал. У ветеранов, которых я видел, было очень мало наград. Очень мало! Потом я понял, в чем дело.

В то время ветераны надевали в святой день награды именно те, что они получили за свои подвиги на войне. А ими награждали воинов не так часто, особенно в первые годы войны. Это только в кино они идут в атаку с полным «иконостасом» на гимнастерке.

Не было, когда я был маленьким, у них массы юбилейных наград — медалей и значков. Да если бы и были...

Люди, прошедшие войну... неужели они уравнили бы медаль «За отвагу», например, или «За взятие Берлина», за которую часто было кровью заплачено, с той же юбилейной медалью «25 лет Победы»?

Конечно, нет.

Это уже позже ветеранов стали награждать одной юбилейной медалью за другой. Настоящие фронтовики относились к ним с юмором: «Дали вот в военкомате... да пусть будет».

В доме рядом с нашим в Медвежьегорске жил человек.

Я могу за давностью лет ошибаться, но, кажется, его звали дядя Сережа.

Однажды девятого мая он вышел «в свет» в пиджаке. До этого мы его таким нарядным не

видели. А на пиджаке — Красная Звезда, орден Славы и Боевое Красное Знамя. Еще несколько медалей. На праздничный митинг собирался. Мы во дворе оторопели: «Дядя Сережа, а за что ты ордена получил?»

Ветеран улыбнулся, кого-то из нас по голове потрепал: «Да что ордена, мальцы. Победили. Да вот живой-здоровый вернулся. В этом ведь вся соль, парнишки...»

ПРЫЖКИ БЕЗ ПАРАШЮТОВ, ИЛИ «ДО ПЕРВОГО ПСИХА», ИЛИ «ДО ПЕРВЫХ СЛЕЗ»

Вот как-то все тут сейчас сойдется: мальчишечьи забавы, мальчишечья дружба, благородство тоже мальчишечье.

Что еще?

К этому всему как-то немного бочком прилепится доброта, что в моем детстве росла практически в каждом — и во мне, и в тех, кого я знаю и кто живет до сих пор.

Доброта добротой, но драки были.

Недалеко от нашего подъезда, прямо под нашими окнами, школа-интернат построила хоккейную «коробку». Там были не только деревянные борта и ровная песчаная площадка, которую зимой заливали и получался каток, а летом мы на ней гоняли футбол, но и две открытые «переодевалки» для команд юных, и не только юных, хоккеистов.

Погонять шайбу сюда приходили сначала школьники — а ведь в каждой школе была спортивная секция, даже не одна — а потом и взрослые дяди.

После импровизированных хоккейных матчей наступало время не очень-то спортивной публики: одиночных и семейных пар с детьми, что приходили сюда просто покататься на коньках.

Естественно, все было абсолютно бесплатно.

В нашем детском представлении коньки, что были надеты на взрослых и детей — хоккеистами они были или нет — делились на «хоккейки» и «фигурки».

Ну, то есть кто в хоккей — у того «хоккейки». Кто просто покататься — у того «фигурки».

Вот честно говорю: не знаю, какие мне там коньки купили родители, но их я не освоил. Лед

меня не держал, равновесие не давалось (видно, моя тощая попа мешала), ноги расползались... Короче, трындец был у меня полный.

Да я, в общем, не про это вовсе.

Какой высоты были переодевалки, встроенные в «коробку», точно не скажу. Может, метра два с половиной... Но мы сами были шкетами, и поэтому прыгнуть с их крыши у нас почиталось за честь. Изнутри сооружения можно было проникнуть наверх и оттуда сигануть вниз на кучу заботливо оставленного строителями песка.

Два с половиной метра...

Когда снизу вверх смотришь — фигня. А когда сверху вниз?.. Страшновато. Но прыгали же. Однажды я замешкался.

Мне вообще было прыгать трудно: я боялся высоты тогда и сейчас боюсь, но собирался и... прыгал!

Так вот, однажды я замешкался...

А тут надо сказать, что в нашу мальчишечью компанию входили два брата-близнеца из соседнего дома — Сашка и Колька Волковы — и Серега Поздняков, который был старше нас всех года на три, наверное. Поэтому и верховодил. И еще несколько пацанов.

Серега, кстати, на правах старшего научил меня курить летом между третьим и четвертым классом.

Мы курили на заброшенной водокачке, что стояла тоже недалеко от нашего исторического дома.

Помню отлично, как он учил меня затягиваться: «Набери в рот дым и, вдыхая, говори «а-пте-ка».

М-м-м-да... К сожалению, научил курить. Так себе — «аптека»...

Сашка и Колька потом стали офицерами. Достойно служили. Недавно узнал, что их уже нет...

Нет и Серёжки Позднякова уже давно.

Я уже не жил в Медвежьегорске. Приехал на летние каникулы к бабушке и узнал.

Серёжка шел со своего выпускного в школе. Навстречу шла подвыпившая компания. В конце июня дело было, белой ночью. Не знаю, что там у них произошло, но они чего-то повздорили. Один из этой компании вытащил из кармана нож и убил Серёгу...

Так вот, однажды я замешкался.

И один из братьев Волковых — не то Сашка, не то Колька — стал надо мной потешаться: «Ой,

а этот трус, трус... В озере купался. Как увидел пулемет — сразу... испугался!»

Ну... там другое слово было использовано вместо «испугался», как вы понимаете.

И тут я прыгнул. Подошел к обидчику. «Ну что, будем?»

«Ну что, будем?» означало вызов на бой. На драку. Сопернику отказаться было стыдно: «Будем!» Следуя кодексу чести, я спросил: «Как будем?»

Вот как дрались мы, мальчишки? Во-первых, один на один. Стаей на одного я вообще не помню, чтобы накидывались. Никогда такого не было.

Во-вторых, за подлость во время драки можно было очень дорого заплатить.

Помню, однажды кто-то кому-то в лицо во время поединка горсть песка в глаза кинул. После такого с этим пацаном долго никто не дружил.

А что значило: «Как будем?»

Если я правильно помню, можно было драться «до первой крови». Если ты своему визави нос расквасил, бой прекращался. Бой прекращался, если тебя ударили сильно и ты заплакал. Это называлось «до первых слез».

Но был и еще один вариант.

Вот представьте: два мальчишки дерутся.

И один так потихоньку заводится-заводится и как заведется!

Он уже не чувствует ударов соперника, он сжимает крепче свои не совсем еще выросшие кулачки и с криком «А-а-а-а!» летит на соперника. В этот момент это не человек, это охваченная буйством машина. И когда такое во время драк случалось, драчунов свои же и разнимали. Если была договоренность биться «до первого психа».

Мешали ли эти драки нашей мальчишечьей дружбе?

Ни в коем случае.

Подрались. Пожали друг другу руки. И помирились. Помните: «Мирись-мирись и больше не дерись»?

НЕУМИРАЮЩАЯ НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ. ПОТЕРЯННАЯ ИСКРЕННОСТЬ?

В Советском Союзе далеко не все было безоблачно.

Любое государство не идеально, и любой политический строй имеет свои изъяны. Как говорит один мой знакомый, «полную гармонию ты встретишь только в раю. Если повезет».

Но почему же все же не умирает тоска по СССР, несмотря на то, что персонажи, которые считают себя «интеллектуалами», «политологами», «литераторами», «выдающимися кино- и просто режиссерами» и так далее, очень стараются обгадить все то, что у нас было?

Более того, ностальгия по временам «совка» активно прорастает и в том поколении, которое может знать об этой эпохе только по рассказам даже не родителей, а уже бабушек и дедушек.

Казалось бы, «зумеры», которым по определению все «до лампочки», вдруг начинают слушать Кадышеву и смотреть взхлеб мультики советских времен.

Что так?

Почему мы в условиях жесточайшего сопротивления абсолютно потерявших совесть либералов, несмотря на очевидные просчеты советской системы, вновь и вновь вспоминаем нашу общую Родину — Советский Союз — теплым добрым словом?

Потому что, кажется мне, то время было ИСКРЕННИМ.

Да, мы искренне ненавидели врагов. Но также искренне любили друзей. Искренне верили, что все переживем и все преграды преодолеем. Поэтому и искусство у нас было искренним. Замечательные детские книжки: Гайдар, Михалков, Носов, Агния Барто... Они были искренними и несли добро. Искреннее советское кино, взрослое и детское. Музыка, балет, спорт — все искреннее. Все наше, родное.

Именно поэтому, когда пошла решительная атака на наш строй, на нашу страну, то ударили — в первую очередь — по нашим духовным ценностям. По нашей искренности.

Хотят, чтобы мы жили искусственными, а не искренними эмоциями.

Боюсь, что не получится. Ведь у нас за плечами — у старых, взрослых, даже у молодых на генетическом уровне — Советский Союз. Со всеми его достоинствами и недостатками.

И со всей его искренностью.

Уничтожить все это, уничтожить духовные ценности? Да, это — их главная задача.

А я продолжаю...

МЕДВЕЖАТА УБИТОЙ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Папа мой часто ездил в походы со своими учениками из школы-интерната куда-то очень далеко. Заонежье, Беломорье, карельская тундра... Абсолютно лесные и заповедные тогда края.

Однажды он приехал из такого вояжа очень поздно вечером, почти ночью. Я спал уже. Но проснулся. В ночи папа и мама о чем-то спорили. Мама очень сердилась, а папа настаивал. О чем спор шел, я так и не понял, заснул.

На следующее утро отец после завтрака пома- нил меня пальцем и — почти шепотом — сказал: «Санюшка, пойдем, что покажу».

Я аж захлебнулся от удивления, когда моему взору предстали два уморительно смешных медвежонка. Мы долго смотрели друг на друга — две пары любопытных медвежьих глазенок и столь же любопытная моя пара.

Вот тут что надо рассказать.

Уже говорил, что дом наш строился как гостиница для важных гостей на ББК. И для этих важных гостей был устроен шикарный огромный ресторан. Его помещение можно и сейчас увидеть, но уже сильно обезображенное. К ресторану этому — он располагался на втором этаже центральной части гостиницы — вела солидная широкая лестница.

Ой, кстати! В мое время в этом ресторане была устроена столовая для школьников и воспитанников школы-интерната.

Так вот, под этой солидной лестницей были скрыты небольшие помещения. Раньше, видимо, они использовались под хранение швабр, тряпок и ведер. Хотя... и в мое время там всякий хлам хранился.

Одну из этих подсобок освободили, и там как раз поселились два лесных гостя! Как я понял, родители тогда ночью из-за них и спорили. Малышам загончик своеобразный сделали. Кормили отходами с кухни. Для них это было вкусно. Кушали, урча от удовольствия.

Отец с ребятами нашел их практически умирающими в лесу. Позже стало известно, что мать косолапых ребяток убили охотники. А медвежат из Медвежьегорска спустя какое-то время увезли в ленинградский зоопарк. Понятно, что в детском учреждении держать их нельзя было. На память отец малышей сфотографировал.

И фото это у меня до сих пор хранится.

НАКАЗАННЫЙ «СОЛДАТ»

В нашем детском садике во времена абсолютно советской середины прошлого века, где замечательно и очень вкусно кормили, где с нами играли и гуляли, где нас учили рисовать и петь, не драться по пустякам (да-да!), укладывали днём спать и следили, чтобы мы не кидались подушками во время «тихого часа»... в нашем детском садике иногда мы встречали гостей.

Где-то в преддверии 23 февраля — Дня Советской армии — к нам в группу приходили солдаты (может быть, сержанты или старшины, уже не помню) из близлежащей воинской части и рассказывали, как они в своей части служат. Про учения. Про то, как они стреляют из автоматов и водят большие машины.

Естественно, все они были отличниками боевой и политической подготовки. Очень стеснялись нас, кстати, почему-то.

Но мы даже не столько их слушали, сколько на них смотрели. Они же, эти воины, были такие красивые, большие и мужественные. Это нам — маленьким мальчикам и девочкам — так казалось. Они были в форме с погонами, на груди — значки какие-то. Эти ребята в погонах даже с нами обедали. Они с трудом садились на шаткие детские стульчики за маленькие наши столики и с аппетитом кушали гороховый суп и пюре с тефтельками.

После таких встреч оставалось замечательное послевкусие.

Я был ребёнок не тихий и совсем не послушный. Это правда.

У нас была воспитательница. Очень хорошая. Высокая такая и громкая. И сильно не любила, когда дети шумят. А я иногда шумел.

Нет, так-то я был ребенком смирным и где-то даже управляемым. Но очень любопытным и не терпящим, когда при мне обижали кого-то. И вот

именно на этой последней почве возникали периодически конфликты, которые заканчивались наказанием.

В чем оно заключалось, спросите вы?

Брали один из тех маленьких стульчиков, на которых мы сидели за столиками во время завтраков, обедов и полдников. Ставили его в угол у большого стеллажа с игрушками. И на этот стульчик сажали меня: «Будешь, Сашенька, сидеть, пока мама за тобой не придет, и думать, как надо вести себя хорошо».

Думать, как надо вести себя хорошо, я даже и не думал, если честно. Я сидел на стульчике, наблюдал за своими согруппниками и представлял себя смелым солдатом из воинской части, которого пригласили в наш детский садик для встречи с малышкой. Я сидел и представлял, что на мне форма, красивый ремень с бляхой и на груди значки.

Потом приходила мама и забирала меня домой...

И даже домой я шел как солдат, которого забрал в казарму командир...

ДВА — СЕМНАДЦАТЬ — ПЯТЬДЕСЯТ И САМОДЕЛЬНОЕ ЧУДО СОВЕТСКОЙ ТЕХНИКИ

В советское время — в шестидесятые-семидесятые годы — да еще в небольшом городке наличие телефона в квартире было, без преувеличения, роскошью.

Нынешним детям в такое даже поверить сложно. А многие из них с трудом вспоминают, что есть еще такие стационарные средства связи, которые нельзя носить в кармане и ползать с их помощью в соцсетях.

А о том, что были телефонные аппараты не кнопочные, а такие, где надо было диск с циферками крутить, никто из тинейджеров и зумеров, я уверен, даже не подозревает. А ведь были.

В Медвежьегорске в моем детстве телефоны стояли в квартирах гражданского, военного, эмвэдэшного, партийного и комсомольского начальства. А еще у железнодорожников — наш городок был и остается до сих пор крупным железнодорожным узлом — и связистов.

Уж не знаю почему, но папа тоже хотел иметь у

нас дома телефон. Где только мог и у кого только мог просил его установить, но везде получал отказ.

И вот тут надо вспомнить, что родитель мой был не просто учителем географии в медвежьегорской школе-интернате, но и внештатным корреспондентом всесоюзного журнала «Наука и религия», что издавался — и я тут с удивлением выяснил, что до сих пор издается — в столице нашей Родины.

И вот из редакции «Науки и религии» какому-то самому высокому районному начальству приходит письмо, в котором сказано, что Виктор Петрович Ершов является одним из самых ценных авторов одного из самых популярных в СССР журналов и для оперативной связи с редакцией ему просто позарез необходим домашний телефон.

Уж не знаю, то ли высокое районное начальство прониклось значимостью того, что на подведомственной им территории живет столь важный человек, то ли в городе поставили новую автоматическую телефонную станцию, но желаемый аппарат с диском у нас появился.

Я даже и сейчас — спустя столько лет! — помню номер нашего телефона: два — семнадцать — пятьдесят.

Ну вот. Установили телефон. Но большую часть времени он молчал. Ни у наших родных, ни у наших знакомых телефонов не было и звонить было просто некому.

Как мне кажется, самым активным пользователем нашего «гаджета» был я. Дело в том, что со мной в классе учился мальчик, у которого папа работал каким-то начальником в городском узле связи, и у них тоже был телефон. И мы с ним подолгу обсуждали наши мальчишечьи дела и заданную на завтра учительницей «домашку».

Ну и про наш первый телевизор расскажу.

Телевизоры тогда в быт советских граждан уже вошли и закрепились там. Даже в семьях моих родственников они уже были.

Интересно, что, например, у тети Маруси с дядей Колей экран телевизора был обклеен какой-то переливающейся разными цветами прозрачной пленкой. Это было сделано для того, чтобы черно-белый телеприемник стал, типа, телеприемником цветным.

А у нас дома телевизора не было. А когда он

появился... Да, когда он появился, то я онемел от удивления. Такого чуда техники ни у кого из моего окружения даже близко не было!

Во-первых, он был самодельным. Какой-то папин знакомый собрал его из где-то раздобытых запчастей. А во-вторых, это был не просто телевизор. Это был, как бы его позже назвали, «комбайн». Совсем маленький экран дополнял вмонтированный наверх магнитофон. А рядом с экраном расположена была шкала радиоприемника.

Радость моя была бурной, но недолгой.

Сначала «умер» кинескоп, который и так очень тускло все показывал. Затем замолчал магнитофон. Дольше всех держался радиоприемник. Он, кажется, даже «дожил» до нашего отъезда из Медвежьегорска.

А настоящий, заводской, телевизор — большой и красивый — мы уже купили, когда осели в Петрозаводске.

Это был семьдесят пятый год двадцатого века...

О ПРОШЛОМ И О СВОБОДЕ

Сегодня мы пожинаем плоды того, что в Советском Союзе, а затем на его обломках, начали взращивать и в конце концов взрастили подкармливаемые финансово и морально Западом — хотя что это я о морали, какая у них мораль? — наши доморощенные либералы.

Одно из главных направлений их ударов, если не самое главное — лишить нас собственной истории, оболгать, изорвать в клочья прошлое.

Либероидные существа — не дураки. И те, кто их кормит, поддерживает и учит, тоже люди не глупые.

И они отлично помнят заветные слова великого Ломоносова: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего».

С середины восьмидесятых годов прошлого века пошла грязная волна «пересмотра» отечественной истории.

Конечно же, в прошлом России во всех эпохах — древней, дореволюционной, революционной, в советском периоде, есть не только славные страницы.

Есть вещи неприглядные и неприятные. Хочется о них забыть, да нельзя этого делать — это

тоже часть истории. Жизни наших предков и нашей тоже. Не забывать надо, а уроки извлекать.

Кстати, история любого государства на Земле — это тоже не гладкое скоростное шоссе. Это тоже извилистая дорога со своими ухабами, ложными поворотами и тупиками. В этом мы все одинаковы.

Почему же выскочившие как черти из табакерки в нужное время либералы так искусно ломали и фальсифицировали, опошляли и оплевывали нашу историю? Кажется мне, что они получили великолепный шанс на исполнение своей подлости. И этот шанс им дало именно советское время.

Никоим образом не хочу кинуть камень в тех историков, что работали во времена СССР и делали поразительные открытия, изучая наше прошлое.

Дело не в них.

Дело в той части советской системы, которая решила неудобные и неприглядные факты из нашей истории — будь то древность или современность, неважно, просто замалчивать, иногда вымарывать, делать вид, что ничего не было.

А ведь любое замалчивание в таком деле — это отличная почва для выращивания исторической лжи и производства исторических фальсификатов.

Причем либералы создавали и создают не просто историческую ложь. Они создают злую и неинтересную историческую ложь.

Сейчас, слава богу, с этим злом начали активно бороться. Но уже упущено очень много времени, и по крайней мере три поколения потеряли интерес к прошлому и к будущему тоже. Горько, но приходится это признать.

Причем эта борьба с историей, отрицание ее либералами выдается за... проявление свободы.

Не раз слышал от таких деятелей: «У нас свобода, и мы имеем право на альтернативную историю».

Но «альтернативная история», извините, это как раз и есть отрицание истории реальной. Иного толкования просто нет.

Вообще, со свободой у либералов как-то интересно получается. Для либероидов свобода — это обязательно отрицание. Не только истории, но и общепринятых правил, сложившихся веками традиций и взглядов.

Причем ведь они не лезут низвергать и отвергать историю или традиции Соединенных Штатов или Великобритании. Нет, они низвергают и отрицают только то, что было и есть в тысячелетней России. Под прицелом либералов не только история, не только традиции, но и общепринятые правила поведения, мораль.

Ругаться громко матом на улице — это свобода, оказывается. Это вызов заостенелому обществу. Травить и избивать одноклассников в школе, жарить шашлыки на Вечном огне, «закидываться» наркотиками, осквернять кладбища, гадить в подъездах, издеваться над беззащитными кошками и щенками — это свобода, это — вызов обществу. Так считают либералы.

А по-моему, это целенаправленное разрушение, уничтожение страны. Война с ее будущим.

МОИ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Музыкальные страсти для меня начались неожиданно.

В августе тысяча девятьсот семьдесят второго года я, как и миллионы моих сверстников, с нетерпением ждал своего первого школьного звонка. Ждал, когда весь такой красивый, в школьной форме и с ранцем, набитым тетрадками, учебниками, прописями, войду в класс и сяду за парту. Очень хотелось в школу, жаждал новой жизни.

Но судьба готовила мне неожиданный удар.

В один дождливый, как сейчас помню, августовский день, ближе к вечеру, папа взял меня за руку, и мы куда-то пошли. Я не знал, куда мы идем, а спрашивать не решался. Уж больно серьезен был мой родитель.

Мы пришли к дому, деревянные стены которого были покрашены светло-синей краской. Вошли и оказались в довольно длинном коридоре, с одной стороны которого были окна, с другой — одна за другой располагались двери. Отец открыл одну из этих дверей, и мы оказались в небольшом зале со сценами. На сцене стояли рояль и стол. За столом сидели строгие дяденьки и тетеньки. На зрительских местах сидели испуганные мальчики и девочки с мамами. С папой был один я.

Скорее всего, у папы уже была какая-то договоренность с людьми, что сидели за столом, поэтому меня сразу позвали на сцену.

Одна из тетенок взяла меня за руку и подвела к роялю. Сама села за клавиатуру.

— Тебя ведь Сашенькой зовут?

— Да...

— Я сейчас буду на клавиши нажимать, а ты постарайся пропеть звук, что услышишь. Понял, что надо делать?

— Да...

— Попробуем?

— Да...

Она нажала одну из белых клавиш, и раздался звук.

Тетенька вопросительно смотрела на меня. Я молчал.

Наконец она сказала:

— Ну... Повтори.

— Как?

— Пропой мне эту ноту.

— А-а-а... Ладно.

Она опять нажала на клавишу. Раздался звук. В ответ я промычал что-то на него похожее.

Тетенька подбодрила меня.

— Хорошо. Теперь это повтори.

И она взяла еще одну ноту. И ее я тоже промычал.

— Так... а эту?

И следующую я постарался повторить. И еще две или три.

Меня вернули к столу. Теперь мною занялся дяденька, что сидел посередине стола. Он взял в руки карандаш, второй дал мне.

— Сейчас я буду ритм выстукивать, а ты будешь повторять. Понял?

— Да...

Он что-то простучал карандашом, я повторил. Он опять застучал. Я застучал в ответ. И опять дробь. В ответ дробь от меня...

Не знаю почему, но эта игра мне не очень понравилась. Наверное, потому, что я не понимал ее смысла. Наконец она закончилась, и со мной начали разговаривать. Точнее было бы сказать — допрашивать.

— Сашенька, что ты любишь?

— Кексы...

Кто-то за столом закашлялся.

— А еще?

— Коржики и блины.

— А делать что ты любишь?

— Читать, в футбол играть. И в рыцарей с мальчишками.

Тут надо вот что пояснить.

Родители мне подарили незадолго до этого пластмассовые меч, шлем и щит, и мы с ребятами во дворе азартно рубились, изображая сражения из далекого прошлого.

— А музыке ты любишь?

— Нет.

За столом опять кто-то кашлянул.

— Никакую не любишь?

— Никакую...

— Ну иди, Сашенька, иди.

После допроса один из дяденек о чем-то тихо разговаривал с папой.

До меня долетело только: «Слух абсолютный, но... может быть, не надо?» И папино твердое: «НАДО!»

Когда мы пришли домой, мама спросила: «Ну что?»

«Абсолютный слух, — ответил папа. — Будет учиться».

Про «может быть, не надо» он умолчал.

Меня никто ни о чем не спрашивал. Просто через несколько дней купили мне скрипку в дерматиновом футляре и огромную неудобную папку для нот.

Так я узнал, что в свободное от обычной школы время буду ходить еще и в школу музыкальную.

Почему меня отдали именно «на скрипку»? Вероятно потому, что папа мой когда-то хотел стать скрипачом и тоже играл на этом струнном инструменте. Видимо, он думал, что если он не стал вторым Паганини, то им стану я. Не получилось.

Медвежьегорская музыкальная школа и я очень мешали жить друг другу. «Музыкалка» бессовестно рушила все мои планы: я с завистью смотрел, как пацаны во дворе играли в футбол, а я перся на занятия по специальности и сольфеджио со скрипочкой и несуразной папкой для нот.

Извлекать мелодию из инструмента у меня не получалось практически от слова «совсем». Вершиной моей музыкальной карьеры была скрипуче исполненная на отчетном концерте после первого класса учебы мелодия народной песни «Как под горкой, под горой торговал мужик золой».

Не подружился я с сольфеджио тоже, премудрость нотной грамоты мне оказалась чужда. То

же было и с обязательным курсом фортепиано: брать аккорды мне оказалось не по силам. Единственное, что мне в «музыкалке» нравилось, то это занятия в хоре.

Я даже выбился в солисты и, стоя впереди всех, жалостливо и красиво (как мне казалось) выводил: «Ты, конек вороной, передай, дорогой, что я честно погиб за... рабочим...»

В остальном же я был абсолютно бестолков. Доводил преподавателей до полного иступления своим музыкальным кретинизмом. Они сидели на глазах — молодые женщины! — и яростно ставили мне «пары» за специальность, за сольфеджио, за фортепиано... Предлагали даже перейти в класс баяна, думая, что это поможет.

Дневник музыкальной школы со своими «неудами» я выкидывал, а родителям говорил, что потерял. После того как за одну четверть «потерялось» восемь или девять дневников, они стали что-то подозревать.

А счастливые мои друзья во дворе гоняли мячик летом и шайбу зимой в то время, как я, глотая злые слезы, медленно нес себя, скрипочку и проклятую папку для нот в ненавистную «музыкалку»...

И настал тот день! Это была весна семьдесят четвертого года. Кажется, март.

Я, вместо того чтобы идти в очередной раз мучиться на сольфеджио, подошел к родителям, что сидели на кухне и пили чай. Набравшись храбрости, положил на кухонный стол скрипичный футляр и хриплым от волнения голосом произнес: «В «музыкалку» больше не пойду. Хватит!» Закрыв от ужаса и страха глаза и ждал взрыва родительского негодования. Но за закрытыми глазами было тихо.

Я осторожно открыл сначала одно свое око, затем второе.

Родители также сидели с чашками в руках и смотрели на меня. Затем отец тихо сказал: «Ну что же, сынок, раз так... иди играй в футбол. Может, великим футболистом станешь...»

Но великим футболистом я тоже не стал.

ЧЕГО Я НЕ ЛЮБИЛ В ПЕРВОМ КЛАССЕ

В первом классе я не любил две вещи — писать в прописях всякие закорючки и палочки и считать.

Закорючки и палочки у меня получались кривые и никак не вписывались в строчки. Я даже плакал от злости и бессилия. Меня спасала моя соседка по парте Танечка Абрамова.

Почерк у нее был, не в пример моему, красивый и аккуратный. Она быстренько делала свое задание, а потом наклонялась ко мне и быстро делала его в моей тетрадке. Получалось чуть хуже, чем у нее самой, но намного лучше, если бы это делал я. До сих пор мой почерк идеальным не назовешь. Но, по крайней мере, его прочесть можно.

А с математикой у меня всю жизнь нелады. С первого класса. Считаю я медленно и двойки за свою такую медлительность получал регулярно. Особенно меня бесили арифметические диктанты. Это такая садистская штука, когда тебе быстро диктуют: «пять плюс восемь, шесть минус один, четыре плюс три...» Решать все эти простенькие примеры в таком темпе я не мог.

Случилось мне в первом классе из-за этого плакать в свой день рождения. Встал я тогда в именинном настроении, получил подарки, положил в портфель, кроме учебников и тетрадок, конфеты для одноклассников и пошел в школу. Первый урок — арифметика. Диктант этот ненавистный арифметический. Естественно, ничего не успел. И расплакался. И конфеты ребятам раздавал со слезами на глазах.

Вот так точные науки могут испортить праздник.

А вот читать я любил. И читал лучше всех в классе. Потому что научил меня отец этому в четыре года. В пять я уже канючил: «Запишите меня в библиотеку...» Записали. И читал я запоем. На чтении в первом классе меня освободили от изучения букваря, и я брал с собой какую-нибудь интересную книжку и читал, пока все остальные складывали из букв слоги, из слогов слова...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Да, я тут уже упоминал о девочке, которая сидела со мной в первом классе за одной партой и писала за меня закорючки и палочки в прописях. Танечка Абрамова.

Именно она и была моей первой любовью. Причем любовь эта приходила ко мне поэтапно. Сна-

чала я влюбился в её белые банты в косичках, потом в улыбку, затем в ее глаза...

Интересно, где она сейчас? Что с ней стало?

БУЛКА С МАСЛОМ, ПОСЫПАННАЯ САХАРОМ

Говорить о нашем детстве и не вспомнить о пионерских лагерях?! Да ладно!

Впервые в пионерлагерь я попал после первого класса. Лагерь располагался в чрезвычайно красивом месте недалеко от поселка Повенец, на берегу Онего.

И называлась эта маленькая «детская республика» «40 лет Октября». А рядом был еще лагерь «Автомобилист».

На самом деле страсть к путешествиям, перемещениям — неважно, близко ли, далеко ли — а также к знакомству с новыми землями и краями у меня, наверное, в крови. Тем более что к своим семи годам почти все закоулки моего родного маленького Медвежьегорска я уже облазил и изучил. Очень хотелось чего-то новенького.

А тут такое приключение: целый месяц на новом месте!

Без родителей! С новой компанией! Я, кстати, абсолютно не сомневался, что новая компания мне понравится. Так и вышло.

Поэтому в лагерь я ехал с огромным удовольствием.

Новое мое (и моих новых друзей) обиталище оказалось полностью деревянным. Деревянные корпуса, деревянная столовая, деревянный двухэтажный административный корпус, там же медпункт был. Конечно же, стадион и, конечно же, место для проведения утренних линеек и прочих церемоний с флагштоком. Беседки еще и качели.

С чего начинается жизнь в пионерском лагере? Разумеется, с ночных страшилок. Старая добрая традиция: как только нас укладывают спать, так с какой-нибудь кровати поступает предложение рассказать страшную историю. «В черном-черном лесу стоит черный-черный дом. В черном-черном доме есть черный-черный коридор. Этот черный-черный коридор ведет в черную-черную комнату. В черной-черной комнате стоит черный-черный стол. На черном-черном столе стоит черный-черный гроб...» Ну и так далее. И вся эта черная

история заканчивается тихим хриплым криком: «Отдай мое сердце!»

Вдоволь популав себя, мы закутывались в простыни и шли пугать девочек. Причем пугать их мы начинали с двух «фронтов». Кто-то отправлялся на улицу и прыгал в простынях под окнами девичьей спальни, а остальные, завывая, лезли в спальню через двери. На дружный очень звонкий, пронзительный, я бы сказал, истеричный визг наших соседей прибегала дежурная воспитательница или вожатая. Но до того как она появлялась на «месте преступления», мы уже успевали добежать до своей комнаты и плюхнуться на койки.

Когда все, наконец, угомонятся и заснут, находились те, что все-таки не спали. В ночной тишине они подкрадывались к ближайшей кровати с тюбиком зубной пасты в руках и от души намазывали ею соседа.

Утром смеялись все.

Несмотря на все усилия наших «смотрящих» — вожатых и воспитателей — ночные приключения не прекращались до самого конца смены.

Хотя я был будущим второклассником и еще октябреньком, меня — как и всех — определили в пионерский отряд.

«Октябрята, пионеры? — Сейчас некоторые будут картинно закатывать глаза. — Идеология, фу...»

Да не было никакой идеологии.

Пионерские отряды в лагере — это, по сути, команды. И команды эти участвовали в соревнованиях, викторинах, походах и прочих эпизодах нашей летней жизни. Хотя... Именно в лагере «40 лет Октября» я услышал о варварских атомных бомбардировках американцами Хиросимы и Нагасаки.

И это на самом деле было для меня потрясением.

И в эти мои первые в жизни летние каникулы с погодой безумно повезло, я помню. Тепло, солнце и, как следствие, теплая — и чистая, кстати — онежская вода. В сочетании с практически белоснежным песчаным пляжем и соснами — просто божественно.

«Да, а при чём тут булка с маслом и сахаром?» — спросите вы.

Как и во всяком советском детском лагере, в «40 лет Октября» нас кормили, что называется, «на убой». И очень вкусно.

Так получилось, что в столовой в нашу смену подрабатывали ученицы папы из школы-интерната. Они меня хорошо знали и почему-то жалели. Может, вид у меня такой несчастный был? Так ведь вроде нет.

Но тем не менее как только я появлялся у столовой в их зоне видимости, они подзывали меня и выносили из кухни здоровенный кусок свежей булки, намазанный толстым слоем масла, а сверху еще и щедро посыпанный сахаром. Несмотря на то что от недоедания я там точно не страдал, но этот кусок булки был таким аппетитным, что не съесть его я просто не мог.

Признаюсь честно, первую ночь в лагере я тихо хныкал в подушку и даже уронил несколько слезинок, так мне было одиноко без родителей.

Когда подъехал автобус в последний день смены, чтобы увезти нас, то я тоже плакал. Впрочем, не один я. Жалко было расставаться всем нам. Но... все хорошее когда-нибудь кончается.

Второй раз я попал в этот пионерский лагерь, уже будучи студентом. Мы гостевали там во время археологической практики. «40 лет Октября» был еще в более или менее рабочем состоянии, хотя признаки обветшания были уже налицо.

И последний раз я побывал в этом месте в начале двухтысячных. От пионерского лагеря остались одни руины... Говорят, что теперь на этом месте богатые люди выстроили экоотель.

ЭТА СТРАННАЯ ШТУКА — ПАМЯТЬ

Да, это действительно очень странная вещь — человеческая память.

Если нас и правда создал бог, как утверждают некоторые представители рода людского, то, скорее всего, он дольше всего работал именно над устройством памяти.

Абсолютно саморегулирующийся и имеющий свои законы механизм — наша память. Она не только хранит в себе все те события, что с тобой произошли, но и расставляет их в каком-то определенном порядке. Но вот что интересно: этот порядок меняется и с возрастом, и теми обстоятельствами, в которых ты живешь именно сегодня. Изменилось, например, твое окружение, и память услужливо переставляет события твоей жизни по-новому — какие-то вещи выдвигаются

на первый план, и ты постоянно о них думаешь и вспоминаешь их. А какие-то воспоминания, которые еще вчера были для тебя наиважнейшими — глядь! — задвинуты в самый дальний пыльный и темный угол, из которого ты их нескоро вытащишь, потому как надолго забудешь.

Замечали?

ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Собственно, «огней большого города» я не видел в те дни, о которых хочу рассказать. Но уж больно красивое название придумал великий Чарльз Спенсер Чаплин в 1931 году для своего гениального фильма про маленького бродягу, что грех им сейчас не воспользоваться.

«Большой город» — это Петрозаводск.

Его огней я не увидел по одной простой причине: когда я туда все-таки впервые попал на несколько дней, было лето.

Лето 1974-го. Белые ночи.

Я уже рассказывал, что был в нашей республиканской столице совсем маленьким — в четыре года — когда сломал руку и необходима была консультация в республиканской больнице. Из того путешествия практически ничего не помню, кроме ноющей боли в локте.

Второй раз я попал в Петрозаводск в первом классе, когда наша преподавательница по скрипке медвежьегорской музыкальной школы Валентина Валерьевна меня и моего приятеля по «музыкалке» Васю Дегтярева (он потом в армии погиб) повезла в петрозаводскую консерваторию. Как лучших учеников своих для показа своему бывшему педагогу. Ну, то, что я был лучшим учеником, по мнению моей учительницы, это вообще странно. При моей «любви» к этому струнному инструменту и абсолютном музыкальном кретинизме...

Но, видимо, Валентина Валерьевна в меня очень верила.

Мы тогда были в Петрозаводске два дня. Утром приехали, устроились в гостинице «Северная». Тут же поехали в консерваторию. Пробыли там до вечера. После мастер-класса Валентина Валерьевна решила покормить нас в кафе «Петрозаводск», уж не знаю почему, далековато от гостиницы-то. Но было вкусно.

Переночевали в «Северной», затем опять консерватория. Затем где-то покушали. Вечером на поезд.

Собственно, города мы с Васей тогда так и не видели. «Огни большого города» видели, поскольку это были зимние каникулы и темнеть очень рано начинало, а вот самого города — нет, не видели.

Да... и вот лето 1974-го.

Я еще тогда не знал, что родители решили покинуть Медвежьегорск и переселиться в Петрозаводск.

Что-то, наверное, надо было согласовать отцу: его пригласили в Петрозаводский университет на кафедру педагогики. Надо было, наверное, искать работу маме. Она ее нашла в республиканской больнице. Очень много лет проработала там зубным врачом.

Короче, в 1974-м мы поехали на несколько дней в карельскую столицу. На самом деле, Медвежьегорск мне очень нравился. Правда. Я просто не помышлял, как можно жить где-то в другом месте. Как я почему-то не буду гулять по улицам Дзержинского, Кирова, Горького, Третьей Пятилетки... Не буду бежать на небольшой пляжик на реке Кумса мимо районной больницы и старого деревянного двухэтажного детского сада, где я «чалился» в младшей группе. Не буду ходить в Дом культуры или в кинотеатр «Дружба» смотреть мультики и киношки. Не пойду в городской Парк культуры качаться на качелях.

Я не знал, что скоро все будет по-другому и все это уйдет из моей жизни.

Летом 1974-го я ничего еще не знал. Но поездка в Петрозаводск — нежданная и негаданная — была для меня как подарок судьбы. Наконец-то я увидел улицы большого города.

Конечно, пройдет время, и я увижу города гораздо больше и шикарнее, чем ставший мне родным Петрозаводск.

Но летом 1974-го...

Петрозаводск после маленького провинциального, но такого уютного Медвежьегорска показался мне просто огромным. Поражать меня этот город стал прямо с вокзала — такого красивого, со шпилем и звездой на нем. А сразу за вокзалом, на другой стороне площади — два

больших полукруглых дома. Таких в моем родном городке, конечно же, отродясь не было. А за этими домами... За этими домами тянулся к озеру — как мне тогда казалось — самый широкий в мире и бесконечный проспект. Я в него сразу влюбился. И до сих пор, хотя уже больше полувека прошло, петрозаводский проспект Ленина — мой самый любимый на всей земле проспект.

Сейчас странно об этом говорить, но к своим девяти годам я ни разу еще не ездил на троллейбусе. Да что не ездил, не видел их.

Может быть, они проскальзывали как-то мимо меня, когда я приезжал сюда в первом классе с моей преподавательницей по скрипке и с Васей Дегтяревым... Но ведь тогда была зима, было темно.

Мама сказала мне, что троллейбусы обычно ходят по кругу, так у них провода проложены. Мне захотелось прокатиться по кругу, и я уговорил родителей это сделать.

Так мы оказались в совершенно незнакомом всем нам месте, рядом с которым шумела железная дорога. Троллейбус тут остановился, и все пассажиры вышли. Вышли и мы.

Это была конечная остановка, которая называлась «Товарная станция». Но мы-то тогда этого не знали. Родители здесь тоже впервые оказались.

Она и сейчас на своем месте.

По-прежнему так называется и по-прежнему конечная.

Меня всегда привлекали и до сих пор привлекают незнакомые места. Поэтому никакого испуга, что мы сейчас тут и потеряемся, вовсе не было. Наоборот. Я был готов перебежать через улицу, подняться по высокому железнодорожному мосту, что был хорошо виден, наверх и оттуда обозреть окрестности. Но не успел. Подошел троллейбус, что ехал в центр.

Мы сели в него и поехали в тот кусочек петрозаводского мира, который уже хорошо знали.

О сколько мне открытий чудных готовил летом 1974-го Петрозаводск!

Я впервые в жизни поел эскимо.

У нас в Медвежьегорске был свой молококомбинат (он и сейчас есть), на котором делали вкусное мороженое. Сейчас, к сожалению, не делают.

Обычно оно продавалось в бумажных стаканчиках, но иногда из Петрозаводска как раз завозили стаканчики вафельные, и тогда любимое детское лакомство всей медвежьегорской детворы становилось во сто крат вкуснее. Но эскимо к нам никто не привозил.

И вот замечательное вкусящее мороженое на палочке, облитое шоколадом. Я ел его, пачкался глазурью, урчал от удовольствия и снова ел. Растаявшая масса капала мне на рубашку и синие шортики, но я не замечал этого. Было просто упоительно!

На улице Горького было кафе-мороженое «Пингвин».

А у нас в Медвежьегорске, к сожалению, не было кафе-мороженого, когда там плавно протекало мое детство.

А в Петрозаводске, как потом я узнал, таких заведений было даже несколько. Там подавали мороженое в металлических вазочках и... внимание — молочный коктейль! Да! До лета 74-го я вообще не знал о существовании этого волшебного напитка. А тут! Тетенька-буфетчица шлепает в большой алюминиевый стакан несколько ложек мороженого, заливает его молоком и закрепляет стакан этот в шайтан-машину, которая, как я узнал много позже, называлась «миксер». Немного монотонного шума, и затем полученная смесь разливается в граненый стакан.

О-о-о-о!

Молочный коктейль! Лучший в мире в кафе «Пингвин»!

Хотя летом 74-го для меня молочный коктейль в любом другом кафе был бы ровно так же лучшим в мире.

Еще одна петрозаводская реальность меня просто убила.

Я уже писал, что в Медвежьегорске в моем детстве было два места, куда мы могли сходить в киношку. Это были районный Дом культуры и кинотеатр «Дружба». Когда я узнал, что в Петрозаводске работало сразу несколько кинотеатров, да... это был шок. «Победа» на проспекте Ленина, «Сампо» на проспекте Урицкого (сейчас Александра Невского), «Искра» на Перевалке, «Строитель» на Куковке...

Я ничего не забыл?

Этот факт поразил меня почему-то даже больше, чем то, что в Петрозаводске друг напротив друга стояли два больших театра: Русский и Финский.

Да, конечно, когда я на площади Кирова увидел памятник Сергею Мироновичу, что был абсолютным близнецом того, что стоял у нашего дома в Медвежьегорске, мне вообще крышу снесло. Но памятники были для меня теперь своеобразным знаком: жизнь моя навсегда будет связана с этими двумя городами.

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Конечно же, надо менять хотя бы раз в полгода, в год, в несколько лет место пребывания своего тела и души.

Помните у Пушкина Александра Сергеевича в его «Евгении Онегине»?

*Им овладело беспокойство.
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).*

Не навсегда и ненадолго. Когда навсегда куда-то перемещаешься, это стагнация. Это уже тогда не перемена — это застой. Скука. Монотонность. Раздражение однообразием. Некоторым монотонность нравится. Мне — нет.

Вот почему не приемлю я дачное времяпрепровождение, которое так мне агрессивно навязывали родители где-то класса с восьмого, но только эффект получили обратный: ненависть к даче.

Десятки лет одно и то же. Один и тот же маршрут, одно и то же расписание — так называемый «календарь дачника» — одни и те же разговоры... Добровольное рабство, одним словом.

Охота к перемене мест, желание увидеть все больше нового и незнакомого, походить по раньше неизведанным землям росли во мне все то время, что я вырос, и достигли апогея где-то годам к сорока пяти, наверное.

Но к сорока пяти и пришло осмысление, что новое и знакомое — это замечательно, но оно ничего не стоит, если ты не имеешь одного, самого важного для тебя места на всей большой Земле.

Туда, где тебя ждут и куда ты всегда можешь вернуться.

Твоего единственного места, которое важнее, чем десятки новых и незнакомых.

Если у тебя такого места нет — ты очень беден.

Санкт-Петербург — Петрозаводск
2024 — 2025 гг.

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

*Выпускник исторического факультета Петрозаводского
государственного университета.*

После окончания вуза работал в органах ВЛКСМ.

*Затем ушел в журналистику — публиковался в печатных СМИ,
долгое время проработал в телекомпаниях Карелии.*

*Затем — руководитель пресс-служб энергокомпаний Карелии,
чем занимается по сей день.*

*Автор книг «Городские истории. Путевые заметки» (2011 год)
и «Великий Князь Альпини Серега Первый» (2024 год).*

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

